

РЕЦЕНЗИИ

***

УДК 14

ОТЗЫВ

НА СТАТЬЮ Л.А. ГРИЦАЙ «ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ. Л. А. СЕНЕКИ»

Каменев Сергей Валентинович

кандидат философских наук

заведующий кафедрой социологии и философии,

доцент, профессор МГУ им. Г.И. Невельского,

г. Владивосток

Давать оценку историко-философским сочинениям, особенно с позиции «правильно – неправильно», – дело бесперспективное. Исторические реконструкции смысловой начинки учений мудрецов былых времен – это всегда интерпретации, оплодотворенные трудно оспоримым авторским взглядом. Потому и задача предлагаемых заметок видится в том, чтобы высказать некоторые попутные (иногда, возможно, полемические) соображения по теме, затронутой автором статьи...

В европейской философской традиции мировоззренческие рефлексии почти неизбежно подталкивали больших мыслителей к созданию и обоснованию этических доктрин. Риск конструирования свода констатирующих назиданий и поведенческих предписаний всякий раз оказывался оправданным стремлением философов разметить человечеству путь к обретению счастья. В культурных недрах эпох вызревали различные образы счастливой жизни, складывались определенные контуры представлений о способах достижения желаемого идеала... С тем, чтобы прорваться к существованию в формах художественного или философского языка. Уходя, эпохи уносили с собой эти образы и представления, освобождая место для новой злободневности. В арсеналах

прошлого накопилось так много всего разного и несхожего, что надежда на решение задачи, как пишет автор, «создания целостной концепции постижения счастья в философии» (С. 42) представляется весьма призрачной.

Однако иногда в переключке времен возникают ситуации специфических замыканий, когда неспешные размышления древних мудрецов вдруг отзываются болезненным или спасительным узнаванием в душах людей совершенной другой эпохи. По-видимому, так обстоит дело с философско-этическим наследием Сенеки. Вряд ли его могли услышать в XVIII или XIX столетиях, когда историю вершили массы и классы. А вот прошлый век – век «сумерек», «концов» и «закатов» – беспощадно вскрыл обреченность человека на одинокое существование в чужом и враждебном мире и тем самым сделал Сенеку актуальным собеседником наших современников.

Возможно, это связано с тем, что этот замечательный мудрец жил и творил в сумеречную эпоху заката культуры: в античной истории трудно отыскать более мрачный период, нежели времена правления Калигулы и Нерона. Стоит подчеркнуть поэтому, что искания благой жизни философа начисто лишены оптимистической тональности, столь свойственной античной классике. Большой знаток античности А.Ф. Лосев убедительно доказывал тезис о тотальной космоцентрированной растворенности типичного античного человека, решительном отсутствии у него личностного начала (разумеется, в современном понимании) [1, С.160-164]. Этическая доктрина Сенеки по существу знаменует коренной поворот в античной антропологии. Значительность фигуры философа как раз и определяется его последовательным и настойчивым отстаиванием идеи самостоятельности и самодостаточности индивидуального субъекта.

Проповедь радикальной эмансипации индивидуума, высвобождения его от социальных оков впервые начинает отчетливо звучать в этике киников. Телесный и духовный аскетизм Диогена Синопского был призван упражнять в человеке способность к автаркии – самодостаточности, как ключевому этическому ориентиру. Однако эта самодостаточность имела исключительно протестный характер, оказываясь, в терминологии Н. Бердяева, «свободой от...».

Киники могли это себе позволить в демократической атмосфере древнегреческих полисов. Наследники кинических идеалов – поздние стоики, оказавшись в существенно иных социально-культурных обстоятельствах, переформатируют духовные ориентиры своих предшественников. Открытый протест уступает место социальному смирению: вспомним знаменитый стоический принцип: «Проживи незаметно!». Наступательность автаркии сменяется податливостью апатии и атараксии – бесстрашием и невозмутимостью. Но касаются они только сферы социальной жизни и общественных обязательств!

Вослед мнению многих авторов принципиальным новаторством этики стоиков можно считать решительный шаг в различении «внешнего» и «внутреннего» пространств человеческого существования. Окончательным и очевидным это различие окажется в контексте христианской культуры. Сенеку не случайно называют «дядей христианства», так как он одним из первых взял на себя бремя исканий «собственно человеческого» не в естественном и социальном окружении, а в глубинах внутреннего мира самого человека. В отличие от киников, чья самодостаточность держится лишь нигилистическим противостоянием внешнему, стоический философ раскрывает и заполняет внутреннее пространство индивида положительным содержанием добродетельности. «Высшее благо нужно поместить настолько высоко, чтобы никакая сила не могла его принизить, чтобы оно оказалось недостижимо для скорби, надежды и страха. На такую высоту способна подняться одна лишь добродетель» – пишет Сенека [2]. Существо же высшего блага определяется тяготением нравственных идеалов, убедительность которых единственно держится внутренней достоверностью и очевидностью для каждого. Немногим позже эти идеалы сольются в гармонию безусловного нравственного абсолюта, обретающего статус трансцендентного Бога и открывающегося лишь в акте веры. Рационально мыслящему Сенеке еще малознакомы иррациональные порывы души. Пытаясь облечь эти порывы в слова, он часто взывает к божеству и,

оставаясь с ним один на один, со всей очевидностью преодолевает координаты языческой религиозности: «Душа — это Бог, нашедший приют в теле человека».

Таким образом, этика Сенеки оказывается глубоко индивидуалистичной. Путь к счастью он видит не в доблестном служении людям, не в следовании гражданскому долгу или моральным предписаниям, а в обретении себя, которое возможно только в искренней и сугубо интимной сопричастности высшим нравственным ценностям, в том, что на другом языке именуется «подвигом веры». Управлять можно лишь тем, над чем властен человек. Поэтому акцентированная автором статьи идея Сенеки о возможности управления счастьем скорее предполагает способность к личностному духовному самостроительству, нежели стремление «обрести чувство единства и гармонии с миром людей» (С.48). Если только последнее не понимать в возвышенном духовном смысле.

Погоня за химерами вечно ускользающих социальных идеалов: классовых или демократических, либеральных или национальных, довольно давно утомила европейское человечество. Известный американский государственный деятель прошлого столетия Чарльз Эванс Хьюз как-то пронизательно заметил: «Человеку надлежит жить с самим собой и постоянно заботиться, чтобы это была хорошая компания». Похоже, Луцию Аннею Сенеке младшему это удалось. И нам сегодняшним, размазанным в сетях медийных коммуникаций, вечно спешащим и неудовлетворенным, в попытках обретения себя может помочь неторопливый разговор с философом, неназойливо и умно напоминающим человеку о самом главном.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Дерзание духа.— М.: Политиздат, 1988 . — 366 с.
2. Сенека Л.А. О блаженной жизни [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «ModernLib.Net». — Режим доступа: http://modernlib.net/books/seneka_luciy/o_blazhennoy_zhizni/read